

Леонид Фишман

ЭПОХА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

После советской морали

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2022

УДК 177.3:930.85(470+571)«19»

ББК 63.3(2)6-7

Ф68

Монография подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. академик РАН В.Н. Руденко).

Редактор серии

А. Куманьков

Фишман, Л.

Ф68 Эпоха добродетелей: после советской морали / Леонид Фишман. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1779-7

ISSN 1815-7912

Устройство российского общества долгое время описывалось отечественными социальными науками с помощью адаптированных западных теорий и классификаций. В результате его современное состояние представляло как набор архаических феноменов, сплошное «отклонение» от социальной и политической «нормы». Такие описания отвечали исключительно на вопрос: чего в этом обществе нет? Исследование Л. Фишмана — попытка отказаться от такой парадигмы и описать тектонические сдвиги в коллективной морали, произошедшие в России в конце XX — начале XXI века, с более гибких позиций. Автор выдвигает тезис о том, что «злые» институты и практики иногда вырастают из вполне благородных норм и ценностей, а людям может не хватить опыта и предвидения, чтобы вмешаться в этот процесс. Читатель узнает, почему сама внутренняя логика советского общества обрекла его на движение к той точке, в которой оно в итоге оказалось — значительную роль в этом сыграла специфическая социалистическая этика добродетели и связанные с ней коллективные практики.

УДК 177.3:930.85(470+571)«19»

ББК 63.3(2)6-7

На обложке: Вещевой рынок в «Лужниках». © Юрий Абрамочкин / РИА Новости

© Л.Г. Фишман, 2022

© И. Дик, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I. Советский человек: лукавый раб или жертва обмана?	13
Глава II. Заковывать в бетон	26
Советская моральная пирамида	33
Буржуазное — это трудно. А социалистическое?	45
Исторический материализм и буржуазные добродетели	55
Советская мораль: гетерогенность источников и «пережитки прошлого»	63
Глава III. Под крышкой советской морали	71
Советское воспитание... по несоветским образцам?	71
Социалистическое воспитание и советская идентичность	93
Глава IV. Разумное, доброе, вечное.	97
Романтическое и героическое	101
«Дворяне из барака»	104
«Спящие» личностные образцы: пират, авантюрный предприниматель, романтик.	109
Дружба и товарищество	116
«Только для своих»	118
Последняя война	122
Полукриминальная субкультура	126
Успехи революции	131
Глава V. Неформальные движения и моральные метаморфозы позднесоветского общества	136
Воспитать настоящего коммуниста	142
Коммунарство: смело к «красивой жизни»	150

От самоуправляемых коллективов к «педагогическим методикам»	158
Будьте как дети	164
Глава VI. Перелом	175
Почти поэтическое отступление. Лев Гумилев как зеркало морального перелома	177
Время героев.	189
Торгаши-герои	206
1990-е: моральная не-катастрофа?	209
Скрепки и пустота	215
Заключение.	225

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга является очередной попыткой ответа на вопросы: в каком обществе мы живем и почему так получилось. Она не столько о прошлом, сколько о вчерашних корнях дня сегодняшнего в аспекте ценностей, которые мы разделяем.

Ответы на подобные вопросы традиционно обусловлены методологией. Поэтому мы считаем нужным предварить дальнейшие рассуждения небольшим методологическим пассажем. Ценностные и методологические приоритеты российской политологии во многом обусловлены процессами, разветвляющимися в мировой и внутренней политике¹. Долгое время главный вектор развития отечественной политологии определялся заимствованием (часто некритичным) огромного массива западных мейнстримных теорий. В этот период господствовали методологические и мировоззренческие установки транзитологии, постулировавшей неизбежность практического воплощения *идеальных типов* демократии, капитализма, а также соответствующего им состояния моральной сферы, существующих в *развитых странах*. Российские исследователи, использующие доминирующий *универсальный*

¹ Мартынов В. С. Парадигмы российской политологии // Полития. 2009. № 1. С. 167–181.

категориальный аппарат описания общества, замечали преимущественно лишь отклонения от должного, от социального идеала. Например, тоталитаризм (авторитаризм), усиление феноменов социальной архаики и *власти-собственности*¹, *недостойное правление*², неопатримониализм, неофеодализм³, коррупционные взаимодействия⁴, которые необходимо преодолеть в логике транзита, модернизации и движения к обществу *открытого доступа*, находящемуся на идеологической вершине ценностно-институциональной иерархии западноцентричного политического знания. Однако со временем выяснилось, что вся подобная *институциональная архаика* постепенно обнаружилась и в обществах, которые должны были служить образцом для сравнения. Более того, наиболее архаичными оказались механизмы реального воспроизводства и взаимодействия элит западных обществ, образующие *слепое пятно* политических теорий. Несмотря на то что западные общества идеализируются в идеологической оптике неолиберального мейнстрима, чем дальше, тем сильнее он уступает альтернативным взглядам на *нормальное общество, представления о котором генерируются вне Запада*. Соответственно, все типические интеллектуальные приемы мейнстрима с пространственным выносом феноменов социальной архаики в периферийные общества, схоластические интеллектуальные игры в *либерально-демократическую норму и отклонения от нее* будут вызывать все более глубокие сомнения на фоне пересмотра глобальных иерархий власти и знания. Поэтому нелиберальное, недемократическое и нерыночное ядро обществ-гегемонов, которое мейнстрим

¹ Плискевич Н. М. Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1. С. 100–115.

² Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2019.

³ Шляпентох В. Э. Современная Россия как феодальное общество. М.: Столица-Принт, 2008.

⁴ Левин М. И., Сатаров Г. А. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–29.

до некоторых пор замечал только в периферийных/отсталых социумах, начнут все чаще фиксировать в виде эмпирических фактов, признавать и *нормализовать в качестве всеобщего* формата политических коммуникаций и институтов, поскольку они не преодолены нигде, кроме *идеологических самоописаний и политической риторики* западных обществ.

Следовательно, российскому обществу нет смысла занимать место на периферии уходящих в историю классификаций политических режимов и иерархиях описаний, чье идеологическое измерение не позволяет осуществлять позитивную легитимацию любого российского политического порядка с точки зрения внешних бенефициаров подобного дискурса. Но не менее контрпродуктивной является и реакция «обиды» на политологический мейнстрим, которая сводится к простому переворачиванию ценностной шкалы, когда ранее объявленное отклонением вновь возносится на пьедестал и объявляется новой или старой доброй, но незаслуженно отвергнутой нормой.

Наше исследование является попыткой ухода, если так можно выразиться, от парадигмы нравственной «периферийности», равно как и от лишь формально противоположной ей установки. Ни та ни другая не способствуют пониманию того, что в действительности происходило в России конца XX — начала XXI века в области морали. Это означает не отказ от «западных» научных парадигм в области изучения морали и нравственности в пользу парадигм автохтонных, а, скорее, попытку избежать выявившей свою ограниченность риторики «отклонений от образца» — что бы в качестве такового ни воспринималось.

Следует объяснить, что является главной причиной избрания нами описанной выше стратегии уклонения. Сделаем это на представляющемся нам наиболее показательным примере.

Выше мы отметили, что по отношению к современному российскому обществу нередко используется метафора

квазисословного и другие сходные метафоры, указывающие на немодерновый, нерыночный, «отклоняющийся» характер российской социальной стратификации. Если бы эти метафоры являлись чем-то большим, то мы бы имели возможность сравнительно непротиворечиво объяснить, откуда взялись те ценности, которые мы унаследовали из прошлого, равно как и правдоподобно предсказать векторы эволюции нашей общественной морали. В конце концов, происхождение и трансформация сословных норм и ценностей вполне может быть объяснена отчасти неизменными, отчасти меняющимися на потребу дня ожиданиями от членов этих сословий.

С другой стороны, трудно отрицать, что (нео)сословная метафора по большей части отражает лишь *внешне сходные* с сословными аспекты социальной реальности современной России. По крайней мере, у нас какая-то странная сословность, не похожая на традиционную хотя бы по причине сильно отличающегося от нее нормативного наполнения. Действительно, если еще есть смысл говорить о квазисословиях в СССР, поскольку при желании у них можно обнаружить внутрисословные ценности, нормы, кодексы чести (да и то зачастую с натяжкой, искусственно сконструированные «сверху»), то современные квазисословия выглядят таковыми лишь с точки зрения административной иерархии, на позицию которой становится также и исследователь. Это чисто внешним образом конструируемая сословность — и лишь с одной целью: распределения ресурсов. В выстраиваемом таким образом квазисословном универсуме внутрисословные ценности могут быть только у высших, руководящих сословий, поэтому мы время от времени становимся свидетелями попыток сформулировать для чиновников какие-то «кодексы чести», своды этических норм и пр. К остальным относятся как к сословиям в ракурсе распределения ресурсов, но не считают, что им нужны какие-то сословные кодексы чести,

а предлагают следовать внешне современным версиям национализма, патриотизма и т. п.

С моральной точки зрения такое общество представляет собой удручающую картину и лучше всего описывается термином, предложенным Дианой Хапаевой, — «готическое общество», то есть общество, в котором отношения почти неприкрыто сводятся к праву сильного и лишены всякого романтического средневекового сословного флера. В нем все практики «носят сугубо индивидуалистический характер», «отказ от традиции и отрицание традиции, как и культуры в целом, опирается на способ выдвижения — „близость к телу“, отсутствие обязательных компетенций для занятия лидирующей позиции, случайность обстоятельств, ведущих „наверх“». В нем господствует «случайность как категория, отрицающая идею как „законности“, так и „честной конкуренции»¹. Это версия пресловутого «атомизированного общества», в котором, по выражению Д. Драгунского, «атеизм и фриланс уничтожили честь и совесть»², где нет социальных групп с отчетливой коллективной идентичностью, исчезает честь, уступая «наивной борьбе за собственный комфорт», а за ней и совесть, ибо «универсальным регулятором поведения выступает воля начальства или взнос по кредиту»³.

Сколь бы впечатляющими ни казались нарисованные выше картины, они по определению являются не только методологически, но и эмоционально ущербными. Общество и его мораль не могут быть объективно описаны в исключительно отрицательных терминах, с точки зрения того, чего в них нет. Ни одно общество, в том числе и наше, не является адом на Земле, а «злые» институты и практики вовсе не обязательно

¹ Хапаева Д. Р. Готическое общество: морфология кошмара. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 128.

² Драгунский Д. В. «Сержант» ушел в отставку. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/12811208.shtml?updated>.

³ Там же.

вытекают из таких же норм и ценностей — и это является основанием для надежды в нашем случае. Собственно, и книга наша по большому счету о том, как из «добра» вытекает «зло», а людям недостает опыта и предвидения, чтобы отличить одно от другого.

Читатель, безусловно, заметит, что автор иллюстрирует свои выводы почти исключительно отсылками к художественным (в основном литературным) произведениям. Оправданием нам служит ограниченность наших задач. Они заключались не в том, чтобы детально, с прямыми отсылками к свидетельствам современников описать процесс формирования и эволюции советской и постсоветской морали, а скорее в том, а) чтобы обозначить официальные и полуофициальные ценностные рамки, в которых он разворачивался; и б) показать, что даже внутри этих рамок было много разнородного, обусловленного не только культурой, но и доминирующей идеологией содержания, чтобы привести к результатам, неожиданным для всех участников этих процессов. (Читатель может прийти к выводу, что в исследовании критика советского общества осуществляется в концептуальных рамках, используемых самим этим обществом для рефлексии своих оснований. Но в этом и заключался замысел работы: показать, что даже исходя из своих собственных оснований, без учета всяких внешних воздействий, советское общество было обречено дрейфовать туда, куда оно в итоге пришло.) Для обоснования этой позиции, как мы полагаем, достаточно отсылок к художественным произведениям, которые служат зеркалом происходящих моральных трансформаций.

Разумеется, литература и кино являются такого рода зеркалами, использование которых подразумевает постоянную коррекцию изображения теми, кто в них смотрится. Свою коррекцию мы уже произвели — теперь очередь за читателями.